

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Е.О. Труфанова

Ускользящая реальность и социальные конструкции

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: eltrufanova@gmail.com

В статье анализируется проблема реализма и антиреализма в контексте социально-конструкционистского подхода. Акцент сделан на научном и эпистемологическом реализме. Рассматривается история «научных войн» – дискуссии реалистов и антиреалистов о степени влияния социальных факторов на науку, спровоцированной распространением социально-конструкционистских и постмодернистских идей в области исследований научного знания. Демонстрируется, что научные войны были конфликтом в первую очередь политическим, в котором ученые-естественники пытались отстоять право науки на то, чтобы считаться источником истинных знаний о реальности, тогда как конструкционисты и постмодернисты обвиняли их в присвоении эксклюзивного права на истину. Дается определение понятия «социальной конструкции» в контексте дискуссий о реальности, обосновывается предположение, что для социального конструкционизма понятие «социальной конструкции» обладает в первую очередь языковой природой. Под социальным конструированием объекта часто понимается возникший в результате социальных интеракций способ говорения о данном объекте, его описания. Этот способ, в свою очередь, зависит от доминирующего дискурса – от сложившейся в обществе и «общепринятой» совокупности способов говорения о реальности в целом. Демонстрируется, что социальная конструированность того или иного объекта или понятия не обязательно означает его нереальность и, следовательно, антиреалистские аргументы конструкционистов можно опровергнуть. В заключении делается вывод, что в перенасыщенной информационными потоками среде реальность становится «ускользающей», поскольку установить истинное положение вещей практически невозможно. Показывается, что главный вопрос в спорах о реальности выходит за пределы эпистемологии и философии науки и превращается в вопрос взаимопонимания между людьми.

Ключевые слова: реализм, антиреализм, социальный конструкционизм, конструктивизм, релятивизм, реальность, существование, научные войны

Понятие реальности является одним из наиболее сложных для исследования. Категория реального сопряжена с категориями истинного, достоверного, объективного, существующего. Реальность – это то, что есть *на самом деле*. Однако трудности начинаются, как только мы беремся прояснить, что означает «на самом деле», поскольку в попытке определить это «всамделишное» положение дел мы сталкиваемся с множеством разных позиций.

Казалось бы, мы все можем признать реальность материального мира. Лежащий на земле камень¹ лежит там и для меня, и для вас, несмотря на наши различия – языковые, половые, возрастные, этнические, политические, религиозные и т. д. Что может быть проще, чем признать этот абстрактный камень краеугольным камнем для построения картины реальности? И всякий раз, когда нам покажется, что наши картины мира слишком сильно разнятся, нам нужно будет возвращаться к этому камню и говорить друг другу: «Вот здесь мы с вами согласны, этот камень действительно существует, он реален, он является объектом познания для каждого из нас».

Проблема возникает тогда, когда каждый из нас наделяет этот камень особым значением. Я вижу просто булыжник, вы – слиток ценной породы, а еще кто-то – горного духа, обращенного в камень. Именно таким образом любой объект мира может стать определенного рода социальной конструкцией. Мы можем договориться лишь о существовании некоего объекта, но не о его сущности. И благодаря этой способности человека приписывать смыслы и значения объектам окружающего мира из одной реальности вырастает множество «реальностей».

Так, понятие реальности, кажущееся в обыденном дискурсе простым, в философском дискурсе вызывает много сложностей. Именно поэтому мы можем говорить о множестве разновидностей реализма и, как следствие, антиреализма. Однако в подавляющем большинстве случаев споры между реалистами и антиреалистами являются спорами между реалистами разного типа или реалистами относительно разных классов объектов. Как отмечают в своей работе С. Брок и Э. Мэйрс², реализм (в применении к той или иной области) базируется на двух основаниях, которые они называют «тезис существования» и «тезис независимости». Первый тезис утверждает, что объект, или класс объектов, относительно которых мы объявляем себя реалистами, – существует на самом деле. Второй тезис утверждает, что их существование объективно и независимо от нашего сознания. Один из нас может считать себя реалистом в средневековом смысле слова, признавая объективным и независимым существование общих понятий, тогда как другой будет реалистом относительно материальных объектов, но никак не универсалий. Совсем немногие будут спорить с реализмом относительно материального мира: большинство согласно с тем, что материальный мир реален, то есть, что он существует независимо от наших органов чувств и от нашего знания о нем. Однако тут же может возникнуть вопрос, а что мы подразумеваем под материальным миром? Это мир объектов, с которыми мы можем непосредственно иметь дело? Или это также материя, которую описывают химия и физика? В последнем случае вновь возникают дискуссии.

В данной статье будет рассматриваться дискуссия реализма и антиреализма в применении к научному познанию, поэтому под реализмом будет подразумеваться в первую очередь научный и эпистемологический реализм, то есть позиция, утверждающая, что: а) мир, описываемый наукой, реален; б) наука,

¹ Я. Хакинг, впрочем, достаточно остроумно показывает в своей работе, анализируя историю исследования доломитовых пород, что столь любимый реалистами аргумент «к камням» не всегда работает, см.: *Hacking I. The Social Construction of What?* Harvard, 1999.

² Brock S., Mares E. *Realism and Anti-Realism*. Durham, 2007.

насколько это возможно на текущем этапе развития, достоверно описывает мир, находящийся за пределами нашего сознания; в) события и феномены, которые могут быть зафиксированы наукой в виде фактов, существуют независимо от нашего знания о них.

Антиреализм противопоставляется именно позиции научного реализма, поскольку практически никто из антиреалистов не отрицает существования какой-либо реальности (или реальностей) в принципе. Они подвергают сомнению именно реальность объектов научного познания, полагая, что те не даны в природе, а конструируются учеными в процессе научной деятельности. Далее будет рассматриваться позиция социального конструкционизма, принадлежащая к антиреалистской стороне дискуссии.

Социальный конструкционизм противопоставляет понятию реальности понятие социальной конструкции, утверждая, что большинство, если не все объекты, которые мы полагаем существующими объективно и независимо, являются на самом деле социальными конструкциями, то есть существуют не сами по себе, а конструируются в ходе социальных интеракций. Основной тезис социального конструкционизма в рамках дискуссий реализма и антиреализма можно выразить следующим образом: знание о том, что мы считаем существующим объективно и независимо от нас, на самом деле является знанием, которое отражает не реальность саму по себе, а сконструированные обществом представления об этой реальности. Изначально социальные конструкционисты стремились к пересмотру положений социальной психологии, показывая, что претензии этой дисциплины на роль точной науки и на получение объективного знания подобно естественно-научным дисциплинам, неоправданы, что многие используемые социальной психологией понятия отражают не реальные феномены, а лишь социально сконструированные описания. Вслед за этим, однако, конструкционисты решили выйти за пределы критики методов психологии и распространили свой подход на другие дисциплины. Именно это послужило началом бурной дискуссии реализма и социального конструкционизма, получившей название «научных войн».

«Научные войны»

«Научные войны» являются относительно недавним эпизодом в истории философии науки. Они представляют собой дискуссию реалистов и антиреалистов о степени влияния социальных факторов на науку, развернувшуюся в 1990-е гг. и спровоцированную распространением социально-конструкционистских и постмодернистских идей в области исследований научного знания. Как остроумно описал сложившуюся ситуацию Бруно Латур, «...нетрудно показать, что Рембрандт был генеральным директором кустарей, занимавшихся спекуляциями на рынке, что поклонение товарам выражает глубокое колониальное разочарование, что классовые интересы и рост производства определяют каждый шаг в карьере *homo academicus*; но включите Британскую империю в физику Лорда Кельвина (Smith и Wise 1989) или весь империализм в условия зрительных восприятий приматов (Haraway 1989), и небольшой скандал обес-

печен»³. Действительно, когда конструкционисты и их союзники обсуждали вопросы психологической теории, их споры были локальными, но когда вслед за психологией и другими социогуманитарными науками, неизбежно являющимися ценностно-нагруженными, пошло наступление на область естественных и точных наук, основывавшихся на идеале объективного знания, последовала бурная ответная реакция. Идея социальной сконструированности научного знания была по главной привилегии науки – праву претендовать на достижение истинного знания, на описание и объяснение мира таким, какой он есть сам по себе. Постмодернисты и конструкционисты заявили, что наука неизбежно отражает позицию власти и описывает мир вовсе не таким, какой он есть, а таким, каким его удобно видеть с точки зрения доминирующей идеологии. Сами же антиреалисты выступали на стороне «угнетенных» групп – женщин, представителей неевропейских рас, политических оппозиционных групп и т. п.

Так, ответом на подобные обвинения в «пособничестве властям» и первым «выстрелом» в «научных войнах» стала вышедшая в 1994 г. книга «Высшее суеверие: левое крыло Академии и его ссоры с наукой»⁴, написанная биологом П. Гроссом и математиком Н. Левиттом, где авторы обвинили постмодернистов (к которым причислялись и социальные конструкционисты) в антиинтеллектуализме и релятивизме и заявили, что постмодернисты не особенно разбираются в критикуемых ими научных теориях, а сама критика вызвана исключительно политическими причинами. В ответ на эту книгу и проведенную после публикации конференцию, продолжившую «разоблачение» антиреалистов, сами антиреалисты заявили, что реакция Гросса, Левитта и их сторонников – это попытка защитить роль науки как инструмента власти. В 1996 г. последовал «Случай Алана Сокала»: физик А. Сокал подал в журнал постмодернистского толка «*Social Text*» статью⁵, в которой доказывал, что квантовая гравитация представляет из себя лингвистический и социальный конструкт и что квантовая физика является подтверждением постмодернистской критики научной объективности. Статья была опубликована в номере, посвященном научным войнам, а чуть позже в том же году Сокал опубликовал другую статью⁶. В ней он сообщал, что его публикация о квантовой гравитации была пародией, созданной с целью демонстрации того, что некоторые журналы готовы опубликовать любую чушь, если она красиво сформулирована и импонирует идеологическим пристрастиям редакторов. Эта история вызывала немало обид в лагере антиреалистов, в частности, крайне негативную реакцию Ж. Деррида, который счел такую шутку дурным вкусом.

Можно увидеть, что «научные войны» были сами по себе конфликтом сугубо политическим, это были «войны» отдельных ученых-естественников (и их сторонников из области философии науки) против отдельных философов, социологов и психологов. Ученые пытались отстоять право науки на то, чтобы считаться источником истинных знаний о реальности, тогда как конструкцио-

³ Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М., 2006. С. 346.

⁴ Gross P.R., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels With Science. Baltimore, 1994.

⁵ Sokal A.D. Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity // *Social Text*. 1996. No. 46/47 (spring/summer). P. 217–252.

⁶ Sokal A. A Physicist Experiments with Cultural Studies // *Lingua Franca*. 1996. May/June. P. 62–64.

нисты и постмодернисты обвиняли их в присвоении себе этого эксклюзивного права на истину. Эти «войны» носили политический характер еще и потому, что наука, как было сказано выше, обвинялась в приверженности существующей власти и в поддержке существующей идеологии, тогда как постмодернисты и конструкционисты (не случайно в книге Левитта и Гросса названные «левыми») стремились деконструировать ряд сложившихся понятий – прежде всего в расовой и гендерной политике; так, одним из самых заметных участников социального конструкционизма стала феминистская философия. Представители постмодернизма и конструкционизма ставили ученых в вину, что те основывают описания реальности на своих идеологических установках. А значит, наука не только сама подвержена идеологическому влиянию, но и способствует дальнейшей трансляции идеологий. Такие традиционные идеалы науки, как истина и объективность, были не просто подвергнуты сомнению, но, фактически, отвергнуты на основании того, что они были сформулированы в рамках европейской рациональности, т. е. в таком типе мышления, который сформировался в определенную историческую эпоху и в котором право голоса (в том числе и в научной деятельности) было предоставлено только мужчинам-европейцам. Конструкционисты подчеркнули, что нужно не держаться за эти идеологически ангажированные понятия (истина и объективность), а предоставить возможность каждой социальной группе высказать свое представление о реальности, возможно, весьма отличное от того, которое сформировалось в европейской традиции науки. В феминистской философии сложилось понятие «ситуационного знания»⁷, в нем акцент сделан на специфичности знания для каждой конкретной ситуации.

Канадский философ науки Ян Хакинг в своем критическом рассмотрении социального конструкционизма⁸ предлагает ввести шкалу для измерения «сконструированности» тех или иных объектов. В ней есть отметки от 0 до 3. 0 означает, что X дан по природе, неизбежен, 1 указывает на то, что существование X необязательно, X мог бы быть и чем-то другим, 2 – что X сконструирован и эта конструкция несовершенна, и, наконец, 3 означает, что X настолько плох, что от него желательно избавиться или радикально его трансформировать. Радикальный конструкционизм склоняется именно к последнему – к необходимости трансформаций того, что было сконструировано плохо. Конструкционистами движет желание изменить реальность, а не понять ее. Несогласие с реальностью становится стимулом к ее изменению, переконструированию. Однако конструкционисты отчаянно не хотят мириться с тем, что не всякая реальность может быть изменена.

Так, казалось бы, с объектами мира материального, в особенности, объектами, на которые можно «показать пальцем», дело обстоит более-менее просто. Мы можем сомневаться в их реальности, только если мы сомневаемся в показаниях наших органов чувств, а это случается не так уж часто. Более сложной ситуация становится, когда мы говорим о материальных объектах, которые нашим органам чувств не даны, – это, прежде всего, т.н. ненаблюдаемые объекты – объекты микромира – атомы, электроны, кварки и т. д. Так,

⁷ Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. 1998. Vol. 14. No. 3. P. 575–599.

⁸ *Hacking I.* Op. cit.

например, британский философ и социолог науки Э. Пикеринг (в отличие от А. Сокала) совершенно серьезно утверждает, что кварки являются социальной конструкцией – продуктом развития истории науки, в том смысле, что история науки могла сложиться иначе⁹. Пикеринг доказывает здесь не то, что кварков как частиц материи не существует, а то, что наука в других исторических и социокультурных обстоятельствах, могла пойти другим, «некварковым» путем развития и создать другие теории о строении материи. Кварк, с точки зрения Пикеринга, это не частица материи, а теория о материи, которая предполагает наличие таких частиц. Теория, разумеется, не дана нам миром и даже не *выявлена* в нем, она *сконструирована* учеными на определенном этапе развития науки, обусловленном целым рядом исторических и социокультурных причин. Следовательно, реальность кварка не то чтобы не подтверждена, но она не имеет существенного значения.

Очевидно, что такая идея не может не вызывать критической реакции с позиции реализма. Я. Хакинг, **подробно разбирая работу Пикеринга, отмечает:** «Социально конструкционистский подход к наукам о природе будет утверждать... что успешная наука не обязана была развиваться тем путем, каким она развивалась, но могла быть успешной, развиваясь другими путями, не сходящимися с тем путем, который был выбран ранее. Ни предшествующий набор исходных положений, ни сам мир не определяют, каков будет следующий набор исходных положений в физике высоких энергий или в любом другом поле исследований. Я нахожу, что в эту идею сложно не только поверить, но и просто высказать ее»¹⁰.

Оставив в стороне вопрос о возможности альтернативных путей развития науки, сосредоточимся на вопросе о *реальности* кварков – об их независимом от наших органов чувств или от наших теорий существовании. Е.А. Мамчур верно отмечает, что конструкционисты «смешивают, не различают два на самом деле различных плана рассмотрения проблемы – эпистемический (иногда говорят эпистемологический) и онтический (онтологический) <...> Чтобы остаться на реалистических позициях, конструктивист должен сказать: да, мы конструируем результаты экспериментов, но только в эпистемическом, но не в онтическом смысле. Между тем социальные конструктивисты, оставаясь в рамках онтического плана рассмотрения эксперимента, в котором бозоны проявляются, рассуждают так, как будто в процессе эксперимента создаются, конструируются реальные объекты микромира, т. е. само сущее»¹¹. Идея конструирования теории физического объекта, таким образом, подменяется конструкционистами идеей конструирования самого объекта и, как следствие, объект начинает рассматриваться как «нереальный».

Мне представляется, что одним из убедительных аргументов в пользу существования все тех же кварков, независимо от их «сконструированности», является тот факт, что в природе кварков остается множество непонятных вопросов. Классификация кварков по «цветам» и «поколениям» не объясняет, почему мы имеем дело именно с тремя «цветами» и тремя «поколениями», случайно ли со-

⁹ Pickering A. Constructing quarks: a sociological history of particle physics. Chicago, 1999.

¹⁰ Hacking I. Op. cit. P. 32–33.

¹¹ Мамчур Е.А. Онтологический статус ненаблюдаемых сущностей // Vox. Вып. 17 (дек. 2014). URL: <http://vox-journal.org/html/issues/280/294/> (дата обращения: 26.09.2016). С. 5.

впадение этих чисел и т. д. Если же идея кварков является только социальной конструкцией, то мы могли бы сконструировать более непротиворечивую систему. В.А. Лекторский пишет, «что же касается реальных объектов, таких, как, например, атом, то можно открывать их новые характеристики, строить о них разные теории, уточнять эти теории, изменять их и т. д.»¹². Действительно, разные ученые, представители разных культур, могут изучать кварки, задавать о них вопросы и пытаться отвечать на них, следовательно, кварки представляют собой реальность, находящуюся вне нашего сознания. Еще один аргумент в пользу существования тех или иных объектов выдвигает Я. Хакинг в своей концепции «сущностного» реализма (entity realism). Согласно его позиции, существование таких теоретических сущностей, как, скажем, электроны, подтверждается нашей возможностью манипулировать с данными сущностями. То, что мы можем, к примеру, напылять электроны на другие объекты, подтверждает их реальность¹³.

Так, мы видим, что даже при обсуждении материальных объектов, у нас возникают вопросы о реальности. Хотя мы склонны доверять фундаментальной науке, здравый смысл упорно намекает, что физики – большие фантазеры, и, пока они рассказывают нам о неких непонятных «ароматах» кварков, мы все равно имеем дело только со стульями, столами и нашими старыми добрыми надежными камнями. Если для физика пузырьковая камера – возможность наблюдения частиц, то для обывателя – просто ниточки пузырьков в жидкости, представляющие разве что эстетический интерес. С точки зрения наивного реализма, никаких кварков не существует, однако с точки зрения научного реализма, кварки, разумеется, реальны.

Однако это последнее утверждение строится на вере – на доверии к мнению ученых относительно кварков. Но и говоря о доверии, мы должны полагать, что нечто реальное существует, и мы доверяем в описании этой реальности тем, кто соприскасается с ней более близко.

Социальный конструкционизм: власть слов и слова власти

Можно дать множество различных определений социальным конструкциям, что не раз делалось как конструкционистами, так и их оппонентами. Приведенная ниже классификация хорошо вычленяет два основных типа социальных конструкций.

Вопрос о соотношении реальности и социальных конструкций, утверждают Брок и Мэйрс, сводится к тому, от чего зависят те или иные явления. Так, мы можем говорить о «причинной зависимости»: в случае с социальными конструкциями подразумевается, что именно человеческое общество и отношения внутри него являются причиной существования некоего объекта или феномена, и если бы не было людей, эти вещи бы не возникли. Тем не менее, отмечают Брок и Мэйрс, здесь мы имеем дело с разными типами зависимости. А. Кукла¹⁴ предлагает такой пример: ученые создали лазер, который ранее не существо-

¹² Лекторский В.А. Можно ли снять оппозицию конструктивизма и реализма? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 21.

¹³ Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge, 1983.

¹⁴ Kukla A. Social Constructivism and the Philosophy of Science. L., 2000. P. 21.

вал в природе. Представим себе, что все люди исчезли, но лазеры продолжают существовать. Таким образом, общество явилось причиной их возникновения, но они обладают самостоятельной реальностью и могут существовать далее совершенно независимо от человека, хотя и не будут использоваться с тем смыслом, который вкладывался в них создателями.

Второй тип зависимости Брок и Мэйрс называют «метафизической зависимостью». В ее рамках сконструированные нами вещи для того, чтобы существовать самим, нуждаются в существовании нашего разума. Это, к примеру, деньги, клубы, президенты, экономики и т. д. Все они, несомненно, исчезнут вместе с человечеством. Такого рода конструкции Брок и Мэйрс называют «психологическими». Споры конструкционистов и реалистов в основном, как мне представляется, связаны с тем, что конструкционисты зачастую не делают различия между двумя этими типами зависимостей, сводя все к причинной и полагая общество причиной существования не только лазеров или консервных банок, а также денег и президентов, но в то же время и мужчин, женщин, негров, кварков, космического излучения и т. п.

Это связано, вероятно, с тем, что социальные конструкции имеют, с точки зрения конструкционизма, в первую очередь языковую природу. Центральные понятия конструкционизма связаны с языком – «нарратив», «голос», «описание», «дискурс» и т. п. Под социальным конструированием объекта часто понимается возникший в результате социальных интеракций способ говорения о данном объекте, его описания. Этот способ, в свою очередь, зависит от доминирующего дискурса – от сложившейся в обществе и «общепринятой» совокупности способов говорения о реальности в целом. Психолог-конструкционист Джон Шоттер утверждает: «Первичная человеческая реальность – это разговор»¹⁵. В то же время существование реальности разговоров поддерживается их трансформацией в социальную деятельность людей, и «в этих процессах люди обоюдно судят и поправляют друг друга и самих себя относительно уместности их действий по отношению к тому, что они считают реальностью»¹⁶. Так, по Шоттеру, разговор трансформируется в социальную деятельность и, исходя из того, что люди полагают «уместным» по отношению к реальности, определяется сама реальность.

С точки зрения социального конструкционизма, именно то, как мы говорим о вещах, определяет реальность этих вещей. Эти слова ложатся в основу социальных договоренностей между людьми. Так, социальная реальность, по мнению конструкционистов, довлеет над всеми прочими типами реальности, именно в социальных отношениях решается, что мы будем считать реальностью, и это не имеет никакого отношения к тому, как мир устроен *сам по себе*. Наши социальные договоренности не просто определяют мир – они могут его трансформировать. Слова обладают властью конструирующего и трансформирующего воздействия на мир.

Именно поэтому одной из основных программ многих конструкционистов является пересмотр языка науки в целом или отдельных его понятий. Феминистские авторы, к примеру, могут видеть в противопоставлении субъ-

¹⁵ Shotter J. Conversational Realities. Constructing Life through Language. L., Thousand Oakes; New Dehli, 1993. P. 40.

¹⁶ Ibid.

екта и объекта влияние патриархальной, «маскулинной» культуры (субъект рассматривается «маскулинной» наукой как активное, «мужское» начало, а объект – как пассивное, «женское») и предлагать снять это различие. Описание представителей неевропейских рас может иметь характер сопоставления с европейской расой как с идеальным образцом, остальные расы определяются, таким образом, по их «отклонениям» от этого «идеала». Слова, которыми мы описываем инвалидов, душевнобольных, алкоголиков, представителей нетрадиционных сексуальных ориентаций и т.п., создают их для нас как определенные категории людей, и поменяв наши способы описания, мы можем поменять эти категории. Указывая (в большинстве случаев, справедливо) на зависимость существующих описаний от сложившихся социальных отношений, от доминирующего дискурса (который конструкционисты часто называют «тоталитарным дискурсом» или «дискурсом власти») и подчеркивая политическую значимость пересмотра подобных описаний (описание алкоголизма прошло путь от «преступления» до «заболевания», что изменило отношение в обществе к людям, склонным к алкоголизму), конструкционисты далее экстраполируют свой подход за пределы социогуманитарных наук в сферу естественно-научного знания.

Я считаю такую экстраполяцию неправомерной. Я. Хакинг верно демонстрирует, в чем заключается основное отличие: объекты социальной реальности (например, типы людей, такие как «алкоголики») могут реагировать на описания, которые им даются, и, в свою очередь, «подстраиваться» под эти описания. Это явление он называет «эффектом петли» (looping effect)¹⁷. Так, человек, злоупотребляющий алкоголем, встречает определение понятия «алкоголик», применяет его к себе и начинает действовать в соответствии с данным определением, подстраивая под него свое социальное поведение. Более того, до того момента, когда мы начинаем выделять такой класс людей, как «алкоголики», подобных людей не существует. Пока мы не дали определение такому типу людей, ни они, ни общество не относят их в особый класс, а их злоупотребление алкоголем рассматривается как индивидуальная особенность. Аналогично социально конструируются различные типы людей, однако конструкционисты могут относить к таким сконструированным типам в том числе мужчин и женщин, полагая гендер исключительно социальной конструкцией.

Другой пример, на который указывает, в частности, один из ключевых авторов-конструкционистов Кеннет Герген: когда мы проводим психологический эксперимент, его участники ведут себя не естественным, не спонтанным образом (как требовалось бы для чистоты эксперимента), а пытаются подстроиться под экспериментальную ситуацию, угадать ожидания экспериментатора и т. д.¹⁸

В то же время объекты материального мира – наблюдаемые или ненаблюдаемые – не подвержены «эффекту петли», они никак не реагируют на то, что мы думаем о них или как мы их описываем. Социальными конструкциями яв-

¹⁷ Hacking I. The looping effects of human kinds // Causal Cognition: A Multidisciplinary Approach. Oxford, 1995.

¹⁸ Джерджен К.Дж. Социальная психология как социальное конструирование: становление взгляда // Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 31–47.

ляются наши описания, но не их референты. Дискурс власти, который, по мнению многих конструкционистов, влияет на процесс научного познания, тем не менее, не способен изменить реальность, лежащую за пределами слов.

Б. Латур пишет: «Что для уважаемых общественных наук означало бы дать природным феноменам социальную интерпретацию? Показать, что кварк, микроб, закон термодинамики, инерциальная система наведения и т. п. в действительности суть не то, чем они кажутся, – не подлинно объективные сущности внеположной природы, а хранилища чего-то еще, что они преломляют, отражают, маскируют или скрывают в себе. Этим чем-то еще в традиции общественных наук непременно выступают некие социальные функции и факторы. Так, социальная интерпретация в конечном счете подразумевает способность *заместить* некоторый объект, относящийся к природе, *другим*, принадлежащим обществу, и показать, что именно он является истинной сущностью»¹⁹ (курсив Б. Латура – *Е.Т.*) Однако, это замещение иллюзорно, реальность продолжает свое существование в независимости от наших социальных конструкций. По сути, об этом же и говорит К. Герген, утверждая: «*Не может быть трансцендентально привилегированных описаний того, что мы считаем существующим*» (курсив К. Гергена. – *Е.Т.*). Нет никакой специфической конфигурации слов или выражений, которые единственно подходят к тому, что мы называем миром... Мы можем стремиться к согласию относительно того, что “нечто существует”, но каково бы ни было это “нечто”, оно не предъявляет требований к конфигурации фонем или фраз, используемых людьми в коммуникации по его поводу. Поэтому мы отказываем в привилегии любому человеку или группе, претендующим на высшее знание того, что существует. Никакая наука, религия, философия, политическая партия или иная группа не может претендовать на конечное превосходство в отношении истины (соответствия слова и мира) или разума (порядка самих слов). Если говорить позитивнее, мир не отвечает за то, во что мы его превращаем...»²⁰.

Этот пассаж можно рассматривать с нескольких сторон. С одной стороны, высказываемая здесь Гергеном точка зрения носит скорее скептический, нежели антиреалистский характер. Он утверждает, что реальность существует, но никто не может высказываться о ней с достаточной степенью достоверности: любое высказывание будет социальной конструкцией, которая не имеет права претендовать на истинность. Это положение можно было принять, если бы далее у него, как и у других конструкционистов, не следовал вывод о том, что нужно дать равное «право голоса» всем социальным группам и принимать высказывания о реальности каждой из них в качестве равноценных, поскольку это бы соответствовало ценностям демократии и мультикультурализма, тогда как научный реализм, с конструкционистской точки зрения, неоправданно позволяет науке претендовать на роль единственного причастного к истине источника знания.

Хочется возразить относительно невозможности существования «трансцендентально привилегированных описаний». Любое описание мира, несомненно, не является полным и исчерпывающим и несет в себе ряд ошибок

¹⁹ Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки. С. 344.

²⁰ Джерджен К.Дж. К культурно-конструкционистской психологии // Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 77.

и искажений. Тем не менее, если мы признаем независимое существование реальности, мы должны также признавать, что какие-то ее описания точнее, чем иные, и, разумеется, более точные описания должны иметь определенные «привилегии».

Мне представляется, что признание права голоса за всеми социальными группами не должно приводить к равноценности получаемых ими знаний. Демократические идеалы предполагают свободную конкуренцию, в науке – конкуренцию научных теорий, в которой выигрывать будут сильнейшие. Наука, несмотря на ее тесную связь с традицией европейской рациональности, – дело не одной социальной группы, а общечеловеческий социальный институт. Научное знание именно потому получает более высокий статус, что оно вырабатывается в результате жесткой конкуренции различных научных теорий, сформулированных разными людьми в разных обстоятельствах, но в итоге признанных в качестве наиболее адекватно объясняющих те или иные события, по крайней мере, на данном этапе развития, до появления более успешных теорий. Демократия не означает вседозволенность – она означает победу выбора большинства. Если большинство соглашается, что конкретная научная теория на данный момент наиболее успешно описывает реальность, то это демократическое решение, даже если оно делается под влиянием доминирующей идеологии.

Объективность науки поддерживается тем фактом, что научное знание, полученное исследователем с одними идеологическими/культурными/социальными обстоятельствами и установками, остается интерсубъективным, т. е. может разделяться исследователями с другими обстоятельствами и установками. Если это принципиально невозможно, то такое знание не должно считаться научным. Если же полученный неким ученым результат успешно функционирует в существующей научной парадигме, то неважно, какую политическую или религиозную точку зрения ученый разделяет. Это не имеет отношения к значимости его результата для науки.

Социальный конструкционизм и реализм

В то время как идея социального конструирования объектов научного исследования произвела такой скандал среди ученых, сами конструкционисты, зачастую, не видят, почему она встречает столь радикальный отпор.

Так, К. Герген относится к спору конструкционизма и реализма с иронией, отмечая, что баталии на этом поле ведутся уже много лет. Конструкционизм, пишет он, во многом базировался на критике реализма (в основном выраженного в позитивистском и эмпиристском ключе), и потому реализм склонен давать конструкционизму агрессивный отпор. Несколько направлений, сначала примкнувших к конструкционизму, отошли от него, поскольку их сторонники все же хотели признавать что-то реальным. Так, гуманисты, феноменологи и когнитивные конструктивисты сперва поддержали борьбу социального конструкционизма против гегемонии позитивизма, но потом отмежевались от него, когда оказалось, что их собственные ключевые понятия – когнитивные

конструкты, интенциональность, опыт – поставлены под вопрос²¹. Споры конструкционистов и реалистов оказываются бессмысленными, если следовать мысли Гергена, по нескольким причинам.

Во-первых, аргументы реалистов нерелевантны для конструкционистов и наоборот. К примеру, реалист укажет конструкционисту на материальные свидетельства, существующие в природе, но такие свидетельства в социальном конструкционизме не имеют веса. В свою очередь конструкционист, пытающийся убедить реалиста в наличии социальной предвзятости в том или ином суждении о мире, не будет услышан, поскольку реалист уверен в существовании объективной реальности, которая может быть описана в независимости от любой предвзятости.

Во-вторых, реалисты и конструкционисты в разных ситуациях успешно принимают позиции своих оппонентов и используют методы друг друга. Так, реалист, услышав новости по телевизору, может использовать конструкционистский аргумент («Это неправда, это государственная пропаганда»), а конструкционист, увидев пожар и воскликнув «Горим!», не предполагает, что его информация будет воспринята как социальная конструкция, напротив, он полагает вполне по-реалистски, что его слова отражают объективную реальность и повлекут за собой реальные последствия.

И, в-третьих, по сути, реализм и конструкционизм могут рассматриваться как два различных подхода, употребляемых в разных ситуациях. Они обычно противопоставляются друг другу, но на самом деле мы можем, по мнению Гергена, продуктивно сочетать элементы обеих позиций.

Но тогда возникает вопрос, имеет ли в принципе какой-либо смысл их противостояние? Ведь если мы, говоря о физической реальности, оказываемся реалистами, а говоря о социальной реальности, – социальными конструкционистами, то в чем вообще проблема? Герген, таким образом, защищая конструкционизм против нападок реализма, либо полностью сдает его позиции противнику в «научных войнах», либо становится на чисто релятивистскую точку зрения.

Действительно, главная проблема идеи социальной конструкции состоит в том, что то, что является конструкцией, предлагается считать нереальным. Тогда как на самом деле то, что было социально сконструировано, обладает определенной реальностью. Например, мы социально сконструировали такой социальный институт, как президентство. Президент страны в каждый момент времени существует одновременно как реальный человек и как социальная конструкция. Однако захоти мы отказаться от этого института, нам недостаточно будет просто сказать, что президент нереален, что это не более чем социально сконструированная функция. Нам потребуются реальные действия, связанные не только с «деконструкцией» понятия «президент», но и с изменением всей социальной структуры общества, всей социальной реальности. Более того, зачастую изменения подобного рода сопровождаются революциями, влекущими вполне материальные последствия. Для разрушения социально сконструированного института президентства могут понадобиться не только реальные бумага и печать, но и реальные дубинки и пули. Другой пример: в современной Европе такой очевидно социально сконструированный класс, как

²¹ Gergen K. Social Construction in Context. L., 2001.

аристократия, утратил свой особый социальный статус в обществе, но тем не менее, социальные конструкции, такие как «граф», «барон» и т. п., сохраняются и по-прежнему обладают определенной реальностью, например, в случае наследования титулов. Более того, социально сконструированные институты нередко бывают более «живучими», чем материальные конструкции. Социальный институт церкви пережил множество храмов построенных, разрушенных и построенных заново.

Также следует подчеркнуть, что социальные конструкционисты сами, как правило, являются реалистами – относительно социальных конструкций или же таких социально значимых понятий, как угнетение женщин и представительей других рас. Этот момент отмечают, в том числе представители феминистской философии²², говоря, что антиреализм опасен для феминизма, поскольку он может пониматься таким образом, что угнетенное положение и бесправие женщин, домашнее насилие и т. п. тоже будут определены в качестве социальных конструкций, тогда как для феминисток важно признание этих явлений реальными, существующими. Большинство конструкционистов являются реалистами относительно социальных отношений: определенная физическая теория сконструирована на основе идеологии существующей власти и, следовательно, не имеет отношения к реальности, однако сама власть – реальна (хотя и является социальной конструкцией). Именно такие казусы делают социальный конструкционизм крайне противоречивым подходом, а противопоставление конструкционизма и реализма ставят под сомнение.

Ускользящая реальность

Я полагаю, основываясь на всем сказанном, что актуальность дискуссий о реальности связана с тем, что в современном обществе мы постоянно имеем дело с целым набором различных «версий» реальности, представленных в виде разнообразных, как бы выпазились конструкционисты, нарративов о ней.

Современные средства массовой информации, на которые мы вынуждены полагаться для получения представлений о мире за пределами нашего непосредственного окружения, создают противоречивые картины реальности. «Кухонные» споры о политике, в частности, базируются именно на этих псевдореальностях, и порой спорщики на кулаках готовы отстаивать свои мнения о реальности, основанные на информации, полученной «понаслышке» или из различных источников пропаганды. Реальность же только одна, и, хотя каждый канал информации дает нам свою версию события, произошло только одно и никакое другое событие. Так, у следствия может быть множество версий преступления, и одна из них даже может быть признана судом истинной, но преступление свершилось на самом деле только одним и никаким иным образом (и вполне возможно, что ни одна из предложенных версий на самом деле не соответствовала действительности). Реально же только то, что убийцей был садовник, а орудием преступления – лопата, что депутат Х действительно брал взятку у бизнесмена Y, что у берегов Греции утонула лодка, на которой находилось сто человек (были ли они беженцами или нет –

²² Haslanger S. Resisting Reality. Social Construction and Social Critique. Oxford, 2012.

это уже вопрос социальных конструкций) и т. п. Все остальное – не более и не менее, чем слова. Иногда эти слова могут играть более важную роль в социальной реальности, чем то событие, которое произошло на самом деле. Но от этого событие не становится менее реальным, а слова – более реальными. Заявления политиков строятся вовсе не на том, какова реальность, а на том, как им выгоднее ее представить или на том, в каком направлении с помощью своих слов они хотели бы ее изменить. Наша современная жизнь переполнена до краев подобными фальшивыми реальностями, в то время как подлинная реальность ускользает от нас.

Так, главный вопрос в спорах о реальности, на мой взгляд, выходит за пределы эпистемологии и философии науки и становится вопросом взаимопонимания между людьми – представителями разных наций, культур, традиций, политических лагерей и т. д. Об этом пишет и Б. Латур, отмечая, что «... Хакинг понял, почему споры вокруг правильного соединения реальности и конструкции нагнетают столько страстей – по характеру своему они являются политическими. Прикрываясь эпистемологическими проблемами, они на самом деле посвящены вопросам совместного существования»²³. Это вопросы о том, как мы можем взаимодействовать с людьми, которые, в силу языковых, культурных, религиозных и прочих различий мыслят иначе, чем мы? Если мы признаем, что каждый из нас живет в своей социально сконструированной реальности, то каждый из нас обречен на собственную платоновскую пещеру. Единственным путем к взаимопониманию является единство мира, в котором мы живем, единство реальности объектов и событий, которые нас окружают.

И для того, чтобы понимать друг друга в более сложных вопросах, мы должны сначала попытаться согласиться относительно реальности самых простых вещей. Тех самых, которые, по верной формулировке Латура, «дают отпор». Если я пну ногой камень, я почувствую, что моя нога столкнулась с чем-то твердым, и то же самое почувствуете и вы, и представитель любой другой культуры. Отсюда начинается наш путь к взаимопониманию.

Но если мы не можем договориться хотя бы о реальности этого камня, то, значит, мы вообще не способны понять друг друга.

Список литературы

Джерджен К.Дж. К культурно-конструкционистской психологии // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 74–89.

Джерджен К.Дж. Социальная психология как социальное конструирование: становление взгляда // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 31–47.

Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Социология вещей.* М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. С. 342–364.

Латур Б. Надежды конструктивизма // *Социология вещей.* М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. С. 365–389.

Лекторский В.А. Можно ли снять оппозицию конструктивизма и реализма? // *Эпистемология и философия науки.* 2015. № 1. С. 19–26.

²³ *Латур Б.* Надежды конструктивизма // *Социология вещей.* М., 2006. С. 379.

- Мамчур Е.А.* Онтологический статус ненаблюдаемых сущностей // *Vox*. Вып. 17 (дек. 2014). URL: <http://vox-journal.org/html/issues/280/294> (дата обращения: 26.09.2016.)
- Brock S., Mares E.* Realism and Anti-Realism. Durham: Acumen Publishing Limited, 2007. 256 p.
- Gergen K.J.* Social Construction in Context. L.: SAGE, 2001. 240 p.
- Gross P.R., Levitt N.* Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels With Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 348 p.
- Hacking I.* The looping effects of human kinds // *Causal Cognition: A Multidisciplinary Approach*. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 351–383.
- Hacking I.* The Social Consturction of What? Harvard: Harvard University Press, 1999. 272 p.
- Hacking I.* Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 287 p.
- Haraway D.* Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. 1998. Vol. 14. No. 3. P. 575–599.
- Haslanger S.* Resisting Reality. Social Construction and Social Critique. Oxford: Oxford University Press, 2012. 490 p.
- Kukla A.* Social Constructivism and the Philosophy of Science. L.: Routledge, 2000. 192 p.
- Pickering A.* Constructing quarks: a sociological history of particle physics. Chicago, Illinois Chichester: University of Chicago Press Wiley, 1999. 475 p.
- Shotter J.* Conversational Realities. Constructing Life through Language. L.; Thousand Oakes; New Dehli: SAGE Publications, 1993. 208 p.
- Sokal A.* A Physicist Experiments with Cultural Studies // *Lingua Franca*. 1996. May/June. P. 62–64.
- Sokal A.D.* Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity // *Social Text*. 1996. No. 46/47 (spring/summer). P. 217–252.

Elusive reality and social constructions

Elena Trufanova

CSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: eltrufanova@gmail.com

“Reality” is one of the most elaborate concepts. It is easy to define reality as something that is “what actually is taking place”. But when we try to declare what actually is taking place, we encounter quite different statements. Even the simplest object like a rock lying on the ground can evoke many different “versions” of reality: a rock can become in different eyes a weapon, a precious gem, an object of worship. This is what is often called a “social construction” of an object. From this point many different “versions” of reality spring to life. We deal here with the realism vs anti-realism debate in the field of scientific and epistemological realism, taking into consideration social constructionist movement and its anti-realistic stance. “Science wars” of the 1990s are regarded as a “political” conflict between natural scientists, trying to defend the classical concept of science and its claim to truth, and sociologists, psychologists and postmodernist philosophers who are arguing that whatever science says is ideologically biased and supportive of the political authorities, thus science cannot be seen as an objective source of truth. The concepts of “objectivity” and “truth” themselves are put into doubt on the premise that they are a part of European rationality that expresses the socio-culturally and historically restricted point of view of European male thinkers only. Social constructionists suggest that instead of one universal scientific knowledge many “situated knowledges” should be proposed when each social group will be given “voice” to express its opinion about the

world. However the author remains critical towards social constructionist arguments. Their main theses suggest that nearly everything we know about the world is “social constructions”. But does “socially constructed” means “not real”? Social constructionists mostly use the linguistic understanding of “social construction” – the ways we talk about an object is what “constructs” it. Different cultures and social groups have different ways of speaking about the same objects which according to social constructionism means there is no reality behind these descriptions, or at least we are ignorant about it. Social constructionism claims that words build our realities and only words transform them. Do social constructions hold no reality of their own? The concept of “President” is clearly socially constructed, but if we try to get rid of it, will the words be enough to do it if all of us just decide against using both the word and the idea of “President”? That is hardly possible – to get rid of “President” concept we should probably need to face a very real revolution. That means there is some reality connected to this word. The problem of reality is very acute in the present day media-saturated world, where each event gets a variety of media coverage with quite different versions of reality. The main question of reality nowadays goes beyond the scientific or epistemological realism and becomes the question of mutual understanding between people.

Keywords: realism, anti-realism, social constructionism, constructivism, relativism, reality, existence, science wars

References

Brock, S., Mares, E. *Realism and Anti-Realism*. Durham: Acumen Publishing Limited, 2007. 256 pp.

Gergen, K. “K kul’turno-konstruksionistskoi psikhologii” [Toward a Cultural Constructionist Psychology], K. J. Gergen, *Sotsial’nyi konstruksionizm: znanie i praktika* [Social Constructionism: Knowledge and Practice]. Minsk: BGU University Publ., 2003, pp. 74–89. (In Russian)

Gergen, K. J. *Social Construction in Context*. London: SAGE Publ., 2001. 240 pp.

Gergen, K. “Sotsial’naya psikhologiya kak sotsial’noe konstruirovaniye: stanovlenie vzglyada” [Social Psychology as Social Construction: The Emerging Vision], K.J. Gergen, *Sotsial’nyi konstruksionizm: znanie i praktika* [Social Constructionism: Knowledge and Practice]. Minsk: BGU University Publ., 2003, pp. 31–47. (In Russian)

Gross, P. R., Levitt, N. *Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels With Science*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 348 pp.

Hacking, I. *Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 287 pp.

Hacking, I. “The looping effects of human kinds”, in: *Causal Cognition: A Multidisciplinary Approach*, ed. by D. Sperber, D. Premack, and A. J. Premack. Oxford: Clarendon Press, 1995, pp. 351–383.

Hacking, I. *The Social Construction of What?* Harvard: Harvard University Press, 1999. 272 pp.

Haraway, D. “Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective”, *Feminist Studies*, 1998, Vol. 14, No. 3, pp. 575–599.

Haslanger, S. *Resisting Reality. Social Construction and Social Critique*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 490 pp.

Kukla, A. *Social Constructivism and the Philosophy of Science*. London: Routledge, 2000. 192 pp.

Latour, B. “Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyi vklad ‘issledovaniy nauki’ v obshchestvennyye nauki” [When things strike back: a possible contribution of ‘science studies’ to the social sciences], in: *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things]. Moscow: Izdatel’skiy dom «Territoriya budushchego» Publ., 2006, pp. 342–364. (In Russian)

Latour, B. “Nadezhdy konstruktivizma” [The Promises of Constructivism], in: *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things]. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego» Publ., 2006, pp. 365–389. (In Russian)

Lektorskii, V. A. “Mozhno li snyat' oppozitsiyu konstruktivizma i realizma?” [Can we get rid of constructivism vs realism opposition?], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2015, No. 1, pp. 19–26. (In Russian)

Mamchur, E. A. “Ontologicheskii status nenablyudaemykh sushchnostei” [Ontological status of the Unobservable entities], *Vox* [*Philosophical E-journal VOX/ Voice*]: <http://vox-journal.org>, Issue 17 (December, 2014) [<http://vox-journal.org/html/issues/280/294>, accessed on 26.09.2016]. (In Russian)

Pickering, A. *Constructing quarks: a sociological history of particle physics*. Chicago, Illinois Chichester: University of Chicago Press Wiley, 1999. 475 pp.

Shotter, J. *Coversational Realities. Constructing Life through Language*. London, Thousand Oakes, New Dehli: SAGE Publ., 1993. 208 pp.

Sokal, A. D. “Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity”, *Social Text*, 1996, No. 46/47 (spring/summer), pp. 217–252.

Sokal, A. “A Physicist Experiments with Cultural Studies”, *Lingua Franca*, 1996, May/June, pp. 62–64.